

ТАК ЧТО ЕСТЬ БЛАГО: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Берешит бара Элоким – «Вначале сотворил Б-г» – самые первые слова Торы. Сотворение чего-то из абсолютного ничто – можно ли представить себе чудо большее, чем это? Сначала – есть ли хоть что-нибудь, что человеку было бы так тяжело, ну просто невозможно себе представить, как то самое «ничто» – когда нет абсолютно ничего – даже пустого пространства и стоящего на месте времени; один лишь Творец – по другую сторону? – Нет сил у нас вообразить! И тем более – когда вдруг что-то появилось как по волшебству из ничего и ниоткуда, – и вот оно есть... Да и не что-то, – целый мир огромный!

Возьмем что-то поменьше: может ли человек представить себе, что его нет? Одного лишь его, – а не то что целого мира вместе с ним... И того не может!

И потому – огромная загадка: зачем и для чего? В небытии ведь – нет и страданий... Так для чего Всеблагий Б-г нас сотворил?

Страшный вопрос – и отчаянный вопль Иова «из теснин» (гл. 3):

После того открыл Иов уста свои... и сказал: «Да сгинет день, когда родился я, и ночь, в которую сказано: “Зачат муж”! День этот – да станет тьмою... Отчего не умер я, (выходя) из чрева, и (не) скончался, когда вышел из недр?... Ведь теперь лежал бы я и был покоен... Как выкидыш сокрытый не существовал бы я, как младенцы, что не видели света... Зачем дает Он свет страдальцу и жизнь – огорченной душой? Ждущим смерти – и нет ее, – и ищем ее больше, чем клады!

Есть для него хоть у кого-нибудь ответ? Ответ троих друзей его не удовлетворяет; ответ самого праведного Иова – «Да сгинет день...» Но был кто-то другой, – мы это знаем из самых слов его, – раби Акива. Ответ, и тоже в самый час страданий, как и у Иова, – но совсем другой. Сказали мудрецы: «Нет человека, у

которого нет его (особенного) часа» (Авот, 4:3), – и у раби Акивы это был час, когда римляне скребками железными сдирали плоть его с костей...

«Его (особенный) час» – когда человек достигает своего особенного самовыражения, ради которого он пришел в этот мир; он это чувствует и знает. И это воистину час наивысшего блаженства, – и потому раби Акива в час казни смеялся... Без этого, без высших этих страданий, он не мог выразить свою любовь к Творцу, как он сам предельно ясно говорит:

Начал он (в тот час) читать Шма – и стал смеяться. Сказал ему старец: глух ты или не ощущаешь страданий (дословно: топчешь их ногой?) Ответил ему: Не глух я и ощущаю страдания. Но все дни читал я этот стих, печалился и говорил: «Когда [доведётся мне] исполнить три [вещи] – „Люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, всей душой твоей, всем достоянием твоим“? Молился я всем сердцем моим, и молился всем достоянием своим и всей душой моей, и не мог быть уверенным в этом. А сейчас, когда пришёл час осуществить всей душою моей, и наступило время чтения Шма, – не отдам ли я всего себя на это? Вот поэтому я читаю и смеюсь!» Еще не договорил – как отлетела душа его (Йерушалми, Брахот, 9:7, 14б).

У него был этот миг, – непостижимый, таинственный, – когда страдания сливаются с блаженством... Таким, что стоит всех страданий, – миг счастья подлинного самовыражения...

А истинная, величайшая из мук – не обязательно в физической боли. Но когда человек не находит своего самовыражения; тогда он потерян, унижен и вопрошает, как Иов: ради чего живу и ради чего я сотворен? А раби Акиве для самовыражения его, достигшего вершины в любви к Всевышнему, требовалось состязание с невыносимой болью... Смерть в муках для него – не наказание, наоборот: единственный возможный путь к самому большому – и дорогому для него – выражению себя в любви к Творцу; а значит – высшая награда...

Слышал я историю, как Навухаднэцар (а может, кто другой из великих царей) повелевает: когда будут его хоронить, пусть высвободят руки его из-под покрывала. И расставят их в стороны – чтобы все видели, что они пусты. Великий царь, в руках которого был весь земной шар, – и вот, его руки пусты, и с этим он уходит...

Таков он, гнавшийся всю жизнь за земным, в дарованный ему с Небес момент прозрения. Но не так это у раби Акивы и подобных ему – они уносят с собой свою великую любовь. И с ней войдут к Царю, и удостоятся ответной... И она откроется им, Его ответная любовь, – могучая и беспредельная – как мощь, Им явленная при сотворении Им неба и земли, планет и звезд...

И как же праху земному и слабому – выдержать мощь и вселенский напор ее? Когда накроет его волна ее – с головою и выше, затопит под собой и перехватит дыхание... И скажут тогда оба, – Величайший и малейший; подобный дуновению и Бесконечный, – в единении, в непостижимом для нас великом порыве: вот она, – достигнутая ныне цель всего! Неизъяснимая – тремя словами о которой сказано: «Берешит бара Элоким»...

Самовыражение в любви к Творцу – то, ради чего оправданны все муки. И ради этого мы все сотворены.

И это – избавление... От того проклятого вопроса, с которого мы начали, – а с ним и от бессмысленности бытия. За болью и страданием – приходит избавление. А вместе с ним – признание и благодарность Творцу и Избавителю небесному. И тогда прорывается порочный, заколдованный круг «непрерывного счастья» – «счастья низменного», которое бы нам грозило, – как

человеку, который бы не знал и не изведаль никогда ни боли, ни от нее избавления. И не всплывал бы никогда из трясины бытия без смысла и резона, – ибо блаженное неведение страданий и знание одних лишь удовольствий притупляет их и низводит до рутинного, низменного и ровного, как казахская степь, бытия... И лишает самой возможности счастья иного, высшего, – и ввергает в трясиину, в которой пребывает гигантское большинство тварей земных, водяных и небесных, которых и боль ничему не учит – ни боль, ни избавление, когда оно приходит.

Сказано в «Ховот а-левавот», ч. 2 «Врата познания» (книга имеется в русском переводе):

Человек, когда он входит в этот мир, подобен неразумной скотине или «дикому ослёнку», как сказано (*Иов, 11:12*): «Подобным дикому ослёнку рождается человек». Потом он вырастает, непрестанно получая от Всевышнего блага великие и

неисчислимы, «купаясь» в них буквально, – так, что делаются они ему знакомыми и привычными до такой степени, что кажутся существующими сами по себе и чем-то неотъемлемым от него самого до конца его дней. И даже когда ум и понимание развиваются и созревают, – он остаётся глупцом, не сознающим благодеяний своего Творца и не чувствующим в сердце обязанности благодарить Его за них, – ибо он не понимает ни величия получаемых благ, ни величия Того, кто даёт их ему.

И уж тем более боль небытия – не дано очень многим познать ее. И вместе с нею, той болью, – и радости собственного своего сотворения.

И потому заброшены были предки наши в Египет – чтобы испытать там вслед за страданиями рабства, – а без этого никак, – и чашу наслаждений – высших и истинных, а не только лишь низменных, цена которых в сравнении с ними – цена песка.

И потому, когда явился Б-г народу на Синае, Он представился народу не как «Я... – Сотворивший небо, землю и человека», а начал такими словами: «Я – Г-сподь, Б-г ваш, Который вывел вас из Египта, из дома рабства» – из дома страданий.

И вслед за этим было ниспослано нам, за три с лишним тысячи последующих лет, благодарение Б-гу, достаточно испытаний, благодаря которым, и только им, мы осознаем себя – кто мы, где и для чего находимся. И в чем нуждаемся, и благодаря Кому получаем нам нужное. Рыба не знает, что такое вода, а тот, кто никогда не задыхался, – что такое воздух, хотя дышит им всю жизнь; малые дети не знают, что они дышат (хотя не было у них такой минуты, когда бы они не дышали). У кого никогда не болело сердце, – не знает, где оно находится (не считая формального знания из учебника анатомии); и точно так же – в тысяче иных вещей...

Но – покажите человека, которого когда-то не было, как и всех нас, – но при этом он знает и помнит, что это такое, когда

тебя нет, – и может ощутить и оценить, что это такое, – когда ты существуешь, возникаешь вдруг из полного ничто! И оценить, и возблагодарить Творца за это с той же силой, с которой способен возблагодарить избавителя своего человек, который умирал от жажды и получил воду, или задохнулся и получил вдруг возможность дышать...

Нет такого человека, и нет у нас возможности благодарить и воздавать в полной мере хвалу Творцу за свое сотворение... И потому мы можем лишь мобилизовать все силы разума и сердца нашего, чтобы содрать с него кору бесчувственности и равнодушия, чтобы хотя бы в малой мере оценить милость и величие Творца, – и воздать Ему должное за то, о чем сказано в самых первых словах Торы: «Вначале создал Б-г небо и землю...»

Сказал Давид: «Ве-ани – тфилати» – «А я (сам, все существо мое) – молитва Тебе» (Теилим, 69:14). Сам я, ежечасно и ежеминутно, я – и есть моя молитва! Без всяких слов – ибо нет в мире слов для нее... Одним лишь бытиём моим возносится к Творцу она...